

Эрмитаж получил госпоказ из Франции

Коммерсантъ. — 2005. — 8 сент. — с. 74

ВЫСТАВКА салон

В Эрмитаже открылась выставка французского художника Андре Бразилье. Целую анфиладу в Главном штабе отвели под его живопись, акварели, шпалеры и керамику. Встрече с прекрасным не обрадовалась АННА ТОЛСТОВА.

Андре Бразилье — «замечательный французский художник, признанный классик XX века». Так, во всяком случае, говорит в предисловии к каталогу его эрмитажной выставки губернатор Петербурга Валентина Матвиенко — ну не станет же госпожа губернатор обманывать посетителей Эрмитажа, своих избирателей. А министр культуры Франции господин Рено Доннедь де Вабр в своем предисловии к каталогу объясняет, что творчество художника «уходит корнями в очарование долины Луары, в безмятежность пейзажей морского побережья, лесов и полей французских провинций от Антиба до Нормандии». Иными словами, это глубоко национальное, почвенное явление. Жаль, отечественная публика так и не узнает, что думает о творчестве Андре Бразилье президент Франции Жак Ширак: раньше, еще будучи мэром Парижа, он тоже писал предисловия к его каталогам, а в этот раз почему-то не стал.

Одно обстоятельство вызывает некоторое недоумение. Имени Андре Бразилье (а художник не молод, родился в 1929 году)

В творчестве Андре Бразилье Михаил Пиотровский (слева) нашел новую эрмитажную ценность ФОТО МИХАИЛА РАЗУВАЕВА

вы не найдете ни в одном маломальски стоящем справочнике, словаре, истории искусства XX века. Ни один порядочный искусствовед, критик, куратор имени этого не вспомнит. В бесконечном списке безвестных французских и японских галерей (из которых выделяется разве что специализирующаяся на знаменитых французах XX века галерея Ничидо), где проходили персоналки художника, отсутствует хотя бы один приличный музей современного искусства. Так что Эрмитажу принадлежит честь стать первооткры-

вателем «признанного классика» в большом музейном мире.

Господин Бразилье и правда ориентируется исключительно на классику. То есть в начале своей карьеры он шел в ногу со временем: картины первой половины 1950-х, в том числе и та, за которую Академия изящных искусств удостоила его Римской премии, сделаны в духе полуабстракций Никола де Сталя, где широкие пятна интенсивных цветов складываются в камерные концерты, цирковые представления и морские дали. Но потом художник с современнос-

тью разошелся: французское искусство с Ивом Кляйном во главе пошло вперед к «новому реализму», писать картины телами вымазанных в пигменте натурщиц или стрелять по холстам краской из ружья, а Андре Бразилье — назад, припадать к живительному источнику великой национальной традиции. Надо сказать, господин Бразилье пошел навстречу простому зрителю, уже успевшему освоиться с модернизмом начала XX века и не плюющему при виде открытого цвета и обобщенных форм. Он писал анемичных дев и священные рожи на манер Мориса Дени, с которым был дружен его отец, тоже художник. Любовался скачками, регатами и большими симфоническими оркестрами по примеру Рауля Дюфи. Переносил тех же скакунов и нимф на вазы и шпалеры, как завещал Пикассо с Матиссом. Впрочем, с головой ушел в плодородную, унавоженную всеми великими почву. А что вся эта художественная продукция второй свежести вяловата и бескровна — не беда: она пользуется страшной популярностью у богатых японцев, которые со времен покорившего Париж Фужиты ждут от Франции одних откровений. По словам самого художника, то и дело цитировавшего сакраментальную фразу Достоевского про спасение мира, он всюду ищет красоту. В Петербурге он не будет одинок в своих поисках: точно

такие же красоты можно обнаружить во всех наших так называемых галереях современного русского искусства, торгующих также янтарными бусами и матрешками. Только каким образом все эти прелести соотносятся с программой «Эрмитаж-Гуттенхайм», экспозиционной территорией которой считаются залы Главного штаба, понять трудно.

Закрадывается подозрение, что ретроспектива Андре Бразилье в Эрмитаже — из разряда событий не столько художественных, сколько дипломатических. Памятных по застойным временам, когда в Эрмитаж и ГМИИ имени Пушкина по разнарядке свыше присылали большие выставки «современных и прогрессивных» зарубежных художников, которые, как правило, оказывались «убежденными реалистами» и членами компартий. С начала 1990-х стало казаться, что все это в прошлом. И вот пожалуйста. Буржуазнейшего господина Бразилье, конечно, трудно заподозрить в симпатиях к коммунистам, зато он — убежденный реалист. Дипломатия нынче строится на системе ответных жестов. Принимая во внимание все достоинства искусства «признанного классика», хотелось бы в благодарность послать в Париж ретроспективу господина Сафронова или господина Шилова. И пусть покажут ее в Центре Жоржа Помпиду. А еще лучше — в Лувре.